
ТАИНСТВЕННОЕ
ЗАВЕЩАНИЕ
С.В.ДУБОВИК
ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ С ЧЕРТОВЩИНОЙ

Сергей Дубовик

Таинственное завещание

«Автор»
2026

Дубовик С.

Таинственное завещание / С. Дубовик — «Автор», 2026

Иронический детектив с чертовщиной и расследованием. Июль 1864 года. Московский торговец Афанасий Игнатьевич Калачёв, потерявший в ночном пожаре свою кондитерскую лавку, решается воспользоваться странным известием, полученным накануне: совершенно незнакомая помещица из Тверской губернии отписала его престарелому отцу богатое имение близ Волги.Отправившись в уездную глушь по отцовской доверенности в сопровождении столичного доктора Неглинского, молодого помощника Александра и частного сыщика Модеста Анисимова, Калачёв надеется поправить свои торговые дела. Однако вместо тихого сельского уединения путешественников ожидают загадочные обстоятельства кончины прежней владелицы, суеверные толки о бродячих утопленниках и череда тревожных происшествий, распутать клубок которых под силу лишь трезвому уму и спокойному рассудку.

© Дубовик С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пожар 6
Глава 2. Деликатное поручение 12
Глава 3. Дорога в Тверь 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Таинственное завещание

Глава 1. Пожар

Афанасию Игнатьевичу Калачёву было пятьдесят восемь лет от роду. Росту он был самого ординарного и с недавних пор начал полнеть, а местами даже и слишком. Полнота, впрочем, никоим образом его не уродовала и уж совсем не тревожила, потому как, по его собственному разумению, служила под стать накопленному капиталу. Вместе с тем с полнотой и возрастом Афанасий Игнатьевич обзавёлся известной ворчливостью и стал раздражителен от всякого пустяка, чего ранее за ним не водилось.

Большую часть жизни Калачёв провёл в Москве, где теперь проживал с женой Ольгой Петровной и с почти глухим отцом — отставным полковником-артиллеристом. Детей у супругов не случилось по причине болезненности Ольги Петровны, и посему быт их был крайне размерен, и в нём не оказалось места детским шалостям.

Капитал, накопленный Афанасием Игнатьевичем, состоял из доходов от небольшой лавки сладостей, доставшейся в наследство от покойного тестя. Сказать по правде, лавка была завещана самой Ольге Петровне, но та была до того меланхолична и не приспособлена к подобным занятиям, что с невероятной энергичностью управляться с торговлей принялся муж. Следует отдать должное его деловой прыти и расторопности: оставив канцелярскую службу, Калачёв открыл в себе неизвестные таланты, позволившие с успехом продолжить дело преставившегося тестя.

Погружённый с головой в торговые расчёты и домашние хлопоты, Афанасий Игнатьевич почти не водил знакомств на стороне, а задушевных друзей и вовсе не имел — за исключением разве что одного человека, Арсения Андреевича Неглинского. Их сблизило скорбное событие в семье — кончина матушки Калачёва, которую лечил Арсений Андреевич, равно как и самого Афанасия Игнатьевича с недавних пор.

Неглинский искренне содействовал её выздоровлению, но болезнь взяла своё, и он оказался бессилен. Тогда Афанасий Игнатьевич ещё служил в канцелярии, не унаследовал предприятие и был крайне стеснён в расходах. Арсений Андреевич душевно сопереживал ему и принял разумное участие в похоронах новопреставленной. Он же впоследствии способствовал и в поиске помощника для Калачёва, когда тот неожиданно принял на себя дела тестя, посоветовав недавнего гимназиста Александра Лаврова — юношу в высшей степени порядочного и богобоязненного. За Александра просил один из давних пациентов Неглинского, что являлось самой лучшей рекомендацией.

Лавка обеспечивала безбедное существование Калачёву и его семье долгие годы. Всё в его жизни, как и в лавке, было разложено по полочкам да прилавкам. Вместе с тем отсутствие детей вносило известную скуку в его существование, и порой Афанасий Игнатьевич от этой хандры предавался незначительным авантюрам. Так, последние три месяца он с трепетом принялся экспериментировать со своим обликом, решив обзавестись усами и бородою на купеческий манер. По его разумению, пышная борода должна была скрасить скудность волос на голове, да и в общем придать должной солидности, необходимой его положению и возрасту.

Надо сказать, что Калачёв не ошибся, и пышная борода самым гармоничным образом соотнеслась с его телесной дородностью. Неглинский при всякой встрече положительно отмечал результат этих хлопот и тотчас же напоминал о вреде излишнего веса, хотя, впрочем, делал это ненастойчиво, разумея, что владелец кондитерской лавки своей худобой отвадит всех покупателей.

Размеренный распорядок Калачёва был нарушен неделю назад одним вызывающим и, в некотором роде, мистическим событием, о котором он, к слову сказать, ни с кем делиться не стал в силу своей мнительности и откровенной растерянности от пришедшей новости — тем

паче что известие это касалось не столько его самого, сколько его престарелого и почти глухого батюшки, Игнатия Петровича.

Всю неделю Афанасий Игнатьевич размышлял и был непривычно замкнут. Ему всячески не терпелось обсудить дело с Неглинским, как с человеком образованным и самым трезвым в размышлениях из всех, кто был ему знаком, но вдруг случилась настоящая беда, которая и перевернула ход его жизни…

Первого июля 1864 года, в глухую полночь, в лавке Афанасия Игнатьевича случился пожар. Едва загудел набат и в ворота заколотил посыльный от околоточного, как Калачёв с Александром бросились на извозчика и всю ночь прометались на пожарище в крайнем возбуждении. Афанасий Игнатьевич постоянно что-то кричал и беспомощно размахивал руками. Он шумел на всех подряд, остервенело хватая сбежавшихся мужиков, заставлял их тушить огонь, суля каждому по целковому и не считаясь ни с какими тратами. Не владея более собой, он до того разбушевался, что мужики плюнули на хозяина и разбежались по домам, оставив тлеющую лавку пожарным.

К утру Александр привёз Афанасия Игнатьевича, выбившегося из сил и вконец потерявшего голос, хотя на последнем издыхании он ещё что-то бессвязно бормотал. Перепуганные домочадцы уложили больного в постель, и юноша поспешил к Неглинскому.

Александр примчался к дому доктора в шестом часу утра и принялся отчаянно дёргать ручку звонка, оставив хорошие манеры для иного случая. Дверь открыл Степан, длинный и худой лакей Арсения Андреевича.

— Степан, мне нужно срочно повидаться с Арсением Андреевичем! — возбуждённо выпалил Александр, вытирая рукавом закоптелой рубахи пот со лба.

— Шестой час только. Он, верно, спит ещё, — ответил заспанный Степан.

— Буди, буди его! Беда случилась! Настоящая беда! Афанасий Игнатьевич умирает! — нервничал Александр.

— Ох, Господи! Что же вы сразу… Ах! Сейчас, Александр Сергеевич, подождите в гостиной, я мигом! — Степан удалился в недра спавшего дома, и уже через несколько минут в гостиную выбежал Неглинский.

— Что случилось?! — спросил он, наспех завязывая пояс на халате и разглядывая взъерошенного Александра.

— Арсений Андреевич! Господи, несчастье случилось! Пожар! — Александр говорил сбивчиво, нервно всплёскивая запачканными руками. — У Афанасия Игнатьевича лавка сгорела! Мы всю ночь… мы… — юноша свалился в кресло, обхватил голову руками и заплакал. — Мы всю ночь пытались… мы прямо мигом на извозчике, а там уже пламя. Городовой бранился на чём свет стоит, пожарные… Мужики какие-то пьяные… Афанасий Игнатьевич в истинном исступлении был: хватал кого мог и по целковому обещал, будто целковым что-то спасти можно было.

— Полно вам, дорогой мой. Успокойтесь! — Неглинский кликнул Степана и попросил принести стакан воды. — Объясните, как сгорела, когда?

— Сегодня ночью, — жадно глотая воду, принесённую Степаном, молвил Александр, — буквально час назад уже всё выгорело.

— Как же так вышло? — спросил Неглинский, положив руку на плечо юноши.

— Не знаю, ещё ничего неизвестно. Я к вам за помощью. С Афанасием Игнатьевичем…

— Что с ним? — встревожился Арсений Андреевич.

— Не могу описать, но он очень плох. Я боюсь за него, Арсений Андреевич. Он едва живой. Хрипит в бреду и за сердце держится, — растерянно произнёс Александр. — Могу ли я вас просить проехать со мной? Удобно ли это? У меня вот тут за углом извозчик стоит. Я ему два двугривенных дал.

— Удобно?! — воскликнул Неглинский. — Что за церемонии в такой момент! Подождите меня здесь. Я только оденусь, и мы тотчас отправимся.

У Калачёва они были уже через четверть часа. Бледный Афанасий Игнатьевич лежал в постели, едва шевелясь. Вид у него был крайне плачевный. Он молча смотрел в потолок, совсем не моргая и, казалось, не дыша. Неподалёку от кровати на столе стояли склянки с лекарствами, наспех принесённые его женой.

— Александр, оставьте нас, — вежливо попросил Неглинский.

— Да, да, конечно, извините. Я здесь за дверью буду, если что-нибудь потребуется… — Александр покинул комнату, аккуратно прикрыв дверь.

— Что случилось, Афанасий Игнатьевич?

— Арсений Андреевич, в лавке пожар случился. Пожар! Ужасный, непоправимый пожар, дорогой мой друг. Всё, всё сгорело дотла… — чуть слышно произнёс Калачёв. — Страшное пламя было, не подступиться. Тушили, тушили, а оно всё ярче и ярче. У меня прямо перед глазами огонь так и стоит. Всё прахом, всё… Вся жизнь насмарку…

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался Неглинский, щупая пульс Калачёва и держа в другой руке часы.

— Я себя не чувствую, — сказал Калачёв. — Я очень устал, наверное. Мы там с Александром всю ночь пробыли… — Калачёв освободил свою руку из руки доктора, перевернулся на бок и замолчал. — Одно к одному. Мистика какая-то, фантасмагория, не иначе. Завещание ещё это теперь, и вот всё в огне, прахом сгинуло. Кто они… зачем так случилось…

— О ком вы говорите? — удивился Неглинский и, решив, что Калачёв совсем бредит, достал из саквояжа тёмный пузырёк с притёртой пробкой. Откупорив его, он отсчитал пятнадцать капель в стакан с водой. По комнате тотчас разлился резкий, специфический запах валерианы. — Вам следует поспать. Вот, примите, Афанасий Игнатьевич, вам станет полегче.

Калачёв недоверчиво покосился на мутноватую жидкость, но, встретив твёрдый взгляд доктора, покорно взял стакан. Он выпил микстуру разом и тут же сморщился, словно проглотил что-то горькое и противное.

— Тьфу! — прокряхтел он, вытирая усы тыльной стороной ладони. — Арсений Андреевич, да это же чистая отрава!

— Вкусных лекарств, к сожалению, не бывает, — невозмутимо парировал Неглинский, забирая пустой стакан. — А теперь ложитесь и не рассуждайте.

— Как думаете, Арсений Андреевич, надо мне сейчас туда поехать? — спросил Калачёв, и голос его уже стал чуть тише, чуть мягче. — Быть может, моё присутствие теперь там необходимо?

— Вам ехать никуда не надо. Вам отдохнуть и успокоиться следует. Поберегите себя, — строго сказал доктор. — Вы сейчас лучше поспите, а я к вам после полудня наведаюсь, и мы обстоятельно всё обсудим. Хорошо? Афанасий Игнатьевич, вы меня слышите?

— Хорошо, — ответил Калачёв после некоторой паузы и снова повернулся к Неглинскому спиной, продолжая бурчать себе под нос что-то едва различимое.

Арсений Андреевич не стал более тревожить Калачёва и вышел из комнаты. Сразу за дверью в кресле дремал уставший Александр. В самом углу гостиной тихо сидела Ольга Петровна, словно ожидая указаний Неглинского. Она заметно нервничала и то и дело вытирала слёзы платком.

— Ольга Петровна, прошу вас не беспокоить Афанасия Игнатьевича. Поверьте, теперь это совсем ни к чему. Я дал ему немного успокоительного, и, кажется, он заснул. Он, по всей видимости, на грани настоящего удара был. Не в себе совсем. Говорит о каких-то людях, завещании… н-да, — Неглинский заметил во взгляде Ольги Петровны настороженность и продолжил более мягко: — Дорогая моя, Ольга Петровна, поверьте, я понимаю, что вы испытываете,

но покой теперь прежде всего. Позвольте ему выспаться… а обо всём остальном давайте уже позже переговорим.

— Хорошо, — тихо произнесла Ольга Петровна.

— Я, скажем, часам к трем буду у вас, если позволите.

— Конечно, Арсений Андреевич, как скажете. — Ольга Петровна ответила так же тихо, как и в первый раз.

По уходе Неглинского в доме воцарилась тишина. Александр заснул в кресле, Калачёв спал в своей комнате, а Ольга Петровна, неподвижно просидев на диване в гостиной с получаса, проникла наконец в комнату к мужу и села на стул возле его кровати.

Когда Калачёв открыл глаза, за окном переливался праздничный колокольный трезвон — в соседней церкви Космы и Дамиана отмечали престольный праздник. Солнце уже хозяйничало во всей спальне, и шумевшие за окном птицы возвещали о прекрасной летней поре. Афанасий Игнатьевич готов был отдать всё на свете, чтобы только узнать, что вчерашний пожар не более, чем страшный сон.

Он посмотрел на сидящую рядом жену так, словно хотел услышать от неё подтверждение своим мыслям, но скорбное лицо Ольги Петровны уничтожило в нём последние надежды. Лишь на мгновение он заглянул ей в глаза и тут же отвёл взгляд, уставившись в потолок.

Тёплый солнечный свет блеснул на ресницах Ольги Петровны, и она заплакала, закрыв лицо измятым платком. Всхлипывания супруги вернули Афанасия Игнатьевича к мучительным воспоминаниям о пожаре.

В два часа пополудни явился Арсений Андреевич. В отличие от раннего утреннего визита, на сей раз он предстал во всём своём привычном блеске — высокий, стройный брюнет лет сорока пяти, с гусарской выправкой, аккуратными усами и небольшими бакенбардами. Одетый, как всегда, с иголочки — в тёмно-синий сюртук, безупречно белый воротничок и светлые замшевые перчатки, с цилиндром и кожаным врачебным саквояжем в руках, — он внёс в тихую, придавленную горем гостиную живую струю бодрости и деловой энергии. В его улыбчивых, но мудрых глазах светилось спокойное участие.

Доктор сразу подошёл к Александру, который ещё не покидал дома Калачёвых и, не имея возможности переодеться, предстал его взору потрёпанным и насквозь пропахшим гарью.

— Александр, как вы? — бодро спросил Арсений Андреевич, делая вид, что совершенно не замечает плачевного вида собеседника.

— Как я могу быть теперь? Скверно…

— Ну-ну, Александр, не следует так драматизировать. Никто ведь не умер, слава Богу, а вы с такой гримасой. Припасите её на другой день. Как теперь Афанасий Игнатьевич?

— Право, не знаю. Я его с раннего утра не видел. Я вот тут в кресле заснул. С ним, кажется, Ольга Петровна находится.

— Ну что ж, давайте-ка проведаем его, — Арсений Андреевич постучал в дверь спальни, на ходу бросив юноше: — А вы, Александр, умылись бы да попросили у прислуги чего-нибудь чистого переодеться, а то на вас лица нет. Не дожидаясь ответа, доктор вошёл в спальню.

— Арсений Андреевич. Всё как в тумане, в дыму, если хотите. — Калачёв жестом попросил Ольгу Петровну оставить их наедине.

— Удалось ли поспать? — нарочито будничным тоном продолжал Неглинский.

— Да, самую малость. Трудно, знаете ли, с такими мыслями спать.

— Понимаю… — Неглинский замолчал, наблюдая за Калачёвым.

— В один миг из князей в грязь… в один миг! — говорил Калачёв. — Столько лет труда, и всё впустую, как будто и не было ничего. Понимаете, Арсений Андреевич, вмиг ничего не стало. Пепелище, дым, так сказать. Вот вчера было, а сегодня — нет, — Афанасий Игнатьевич нервно засмеялся, но тут же затих. В дверь вдруг раздался стук, и в комнате появился Александр.

— Арсений Андреевич, Ольга Петровна спрашивает, не угодно ли вам будет отобедать с нами? — выпалил Александр и смутился, понимая, что появился совсем не вовремя. Ожидая возмущения хозяина, он опустил голову, но, на его счастье, первым ответил Неглинский:

— Замечательное предложение, Александр. Принимаю его с удовольствием, да и Афанасию Игнатьевичу пообедать не мешало бы.

— Какой же теперь может быть обед? — возмутился Калачёв.

— Самый обыкновенный. Вам необходимо восполнить силы, дорогой мой. Хандрить и убиваться вам совсем ни к чему. Что вы, право, как девица лежать и страдать собираетесь?

— Но… — удивлённо протянул Калачёв, ожидавший совсем иных слов утешения.

— И потом, на обеде я настаиваю как врач.

Последние слова Неглинского убедили Афанасия Игнатьевича подняться и отправиться к столу. Через пятнадцать минут всё семейство Калачёвых вместе с Александром и доктором уже сидело за столом. Обед прошёл тихо, и только погорелец выглядел потерянным, чувствуя совершенное отвращение к еде.

Обед закончили чаем — всё в той же гнетущей атмосфере. После чая Неглинский наконец изъявил желание всё обсудить. Пройдя в кабинет к Афанасию Игнатьевичу, доктор сразу уселся в кресло возле письменного стола, достал из кармана портсигар и вынул папиросу.

— Афанасий Игнатьевич, позволите?

— Что? — переспросил Калачёв, нервно ходивший по комнате в наспех надетом домашнем сюртуке и что-то бурчавший себе под нос.

— Я говорю, позволите? — повторил Неглинский, показывая папиросу.

— Да, да… пожалуйста, — быстро ответил Калачёв и снова погрузился в размышления.

Доктор чиркнул спичкой и закурил, а Калачёв через мгновение внезапно остановился и бросился к письменному столу, с нетерпением выдвигая ящики. Уже через минуту их содержимое, состоявшее в основном из бумаг, покрыло зелёное сукно под пристальным взором хозяина. Калачёв лихорадочно рылся в листах, совсем не обращая внимания на удивлённого гостя.

— Ах, да где же оно! Чёрт бы его побрал! Да где ж ему быть теперь! Вот оно! — вскрикнул Афанасий Игнатьевич, держа в руке конверт.

— Что это? — спросил Неглинский, с настороженностью наблюдая за неожиданно засиявшим в болезненной улыбке лицом Калачёва.

— Это, Арсений Андреевич, судьба! Как ни крути, а Бог всё-таки есть, точно вам говорю! Определённо! — Калачёв быстро перекрестился.

— Что это за бумаги, Афанасий Игнатьевич? — удивился Неглинский.

— Завещание на имя моего батюшки, Игнатия Петровича, и вчерашняя нотариальная доверенность от него на моё имя! Знаете ли, Арсений Андреевич, старик мой совсем плох ухом стал, никуда ехать, разумеется, не в состоянии. Когда на прошлой неделе всё это свалилось, я к нему и так и эдак кричал: «Батюшка, да кто такая эта Куркина? За какой такой долг совести она вам целое имение отписала?» А он только рукой машет: «Отстань, Афоня, память уж не та, мало ли кого я в былые годы в Петербурге знавал! Бери доверенность, поезжай сам да распорядись, а меня в покое оставь! По мне так это сущий вздор. Да ты уж сам разберись». Я и сам тогда подумал, что пустое всё это, а вчера утром, ещё до проклятого пожара, на всякий случай доверенность у нотариуса засвидетельствовал. Будто ангел надоумил!

— Право, не понимаю…

— Простите, Арсений Андреевич, вы правы. Как эту галиматью сразу понять можно?! В том моя вина, — сокрушённо покачал головой Калачёв и на мгновение остепенился. — Дело это требует обстоятельных разъяснений, которые я вам непременно сейчас дам. Но прежде, дорогой друг, скажите: могу ли я попросить вас об одной незначительной услуге?

— Всё, что вам будет угодно, Афанасий Игнатьевич. В чём, собственно, дело?

— Нет, вы постойте так сразу соглашаться, — Калачёв принял таинственный, но не менее болезненный вид. — Вы ведь ещё не осведомлены об обстоятельствах моей просьбы.

— Вы меня, право, озадачили, Афанасий Игнатьевич, — удивлённо ответил Неглинский.

— Всё-таки подумайте прежде.

— О чём же тут думать, Афанасий Игнатьевич? Что же такое вы мне можете предложить, что я с опаской должен это обдумать?

— Ничего такого я вам, конечно, не предложу, но…

— Так что же я всё-таки могу для вас сделать?

— Дорогой мой друг, позвольте мне вас так называть, ибо вы, как никто другой, достойны именоваться подобным образом. Нас с вами связывают уже многие годы. Вы были со мной в самые печальные дни — я говорю о кончине матушки моей — и сейчас в очередной раз доказываете свою преданность нашей дружбе. И хоть поутру вы здесь были по случаю исполнения врачебного долга, теперь я ценю ваш визит как визит настоящего друга и…

— Полно вам, Афанасий Игнатьевич, меня хвалить… — смутился Неглинский.

— Арсений Андреевич, — продолжил Калачёв, не слушая доктора, — вы нынче сами стали свидетелем моего бедствия. Не скажу, что я пошёл по миру — кое-какой капитал в банке у меня, слава Богу, ещё имеется, но я в одну ночь потерял всю торговлю, дело всей моей жизни! И теперь, в таком положении, рассчитывать я могу только на вашу помощь. Более искать поддержки мне негде, — Калачёв на мгновение замолчал и закрыл глаза, словно невероятная боль стесняла его грудь. — Можете ли вы помочь мне в одном очень странном и запутанном деле? Подождите… — Афанасий Игнатьевич сделал жест рукой, прося не перебивать его. — Когда я расскажу вам о нём, оно покажется вам фантастическим или, быть может, глупым. Однако после сегодняшней ночной беды мне уже не до сомнений — одно к одному свалилось, будто сама судьба толкает во всём разобраться, — Калачёв снова заходил по комнате. — Мне бы надо было рассказать вам об этом раньше, но я не подумал. Не увидел в том надобности… Струсил, смалодушничал, — каялся он. — Вот ведь надо было сразу вам открыться, совета вашего спросить, участия…

— Да что же это за событие такое, Афанасий Игнатьевич? Вы совершенно запутали меня, — обескураженно произнёс Неглинский, наблюдая за совсем незнакомым ему Калачёвым.

— Впрочем, раньше было бы и невозможно. Вышло бы какое-нибудь сущее недоразумение, а дело до того щепетильное, что я не мог допустить вашего пренебрежения. Однако теперь, неделю спустя, и сам вижу всё в ином свете, — Калачёв остановился и самым решительным образом продолжил: — Но сегодня может статься, что я не совсем собой владею. Вам, как доктору, конечно, виднее, но я чувствую, как мне сейчас даже легче говорить обо всём этом. Вот вы, Арсений Андреевич, меня, должно быть, иными глазами теперь видите, что даёт мне особую решимость поделиться с вами самым сокровенным и тревожащим… Так что потерпите меня ещё с полчаса и будьте снисходительны, если меня вдруг куда понесёт.

— Слушаю вас, Афанасий Игнатьевич…

Калачёв тяжко вздохнул, подошёл к креслу доктора, протянул ему извлечённый из конверта сложенный вчетверо лист писчей бумаги и, опустившись напротив, начал свой удивительный рассказ.

Глава 2. Деликатное поручение

Неглинский устроился поудобнее в кресле, пустил струйку папиросного дыма, а Калачёв, чуть понизив голос, начал свой рассказ с событий недельной давности…

— К вам Анисимов Модест Николаевич, частный сыщик, — сказал Александр, улыбнувшись, и широко распахнул дверь кабинета, пропуская гостя.

— Проси, — ответил Калачёв и принял самый строгий вид, устремив взгляд на вошедшего.

Модест Николаевич застыл на пороге и, отдав короткий поклон, попросил дозволения войти. Калачёв, ожидавший увидеть фигуру куда более внушительную, поначалу подумал, что вышла ошибка и что человек, мнущийся в дверях, вовсе не тот, кого он ждал.

Перед ним стоял невысокий мужчина лет пятидесяти, хрупкого сложения и уже изрядно полысевший, одетый в мешковатый, поношенный клетчатый сюртук с лоснящимися локтями и нервно мнущий в руках потёртый котелок. Его небольшое суховатое лицо, правда, отчасти украшали усы, но и они являли собою зрелище скорее жалкое, чем достойное.

— Анисимов Модест Николаевич, — отрапортовал гость и ловко щёлкнул каблуками, как на полковом плацу.

— Афанасий Игнатьевич Калачёв, — деловито отозвался хозяин и жестом пригласил сыщика сесть.

— Чем могу быть полезен, Афанасий Игнатьевич? — робко начал Анисимов, присев на самый краешек кресла и водрузив на нос очки, одно из стёкол которых было заметно исцарапано.

— У меня к вам дельце, Модест Николаевич, — начал Калачёв и вдруг запнулся. — Вы, простите, ко мне по чьей рекомендации? — Афанасий Игнатьевич всё же решил удостовериться в личности визитёра.

— О вашей, так сказать, заинтересованности мне рассказал господин Политов Павел Михайлович, — уверенно отчеканил сыщик.

— Гм, ну что ж, продолжим, — Калачёв ещё раз недоверчиво оглядел гостя. — Как я вам уже говорил, у меня есть одно деликатное поручение.

— Понимаю-с, Павел Михайлович мне передавал.

— Отлично. Теперь я хотел бы лично вам его разъяснить, потому как оно представляется мне весьма странным и даже фантастическим, если хотите. Я, собственно, по этим причинам и прибег к вашей помощи, — Калачёв на мгновение замолчал, наблюдая за реакцией собеседника. Сыщик сидел неподвижно, как изваяние, и продолжал внимательно слушать. — Естественно, все ваши труды будут должным образом оплачены, но до того, как вы примете к исполнению моё поручение, я оставляю за вами право отказать мне и не брать на себя никаких обязательств.

— Хорошо. Это весьма по-деловому, Афанасий Игнатьевич, — оживился Анисимов, услышав о гонораре. — В чём же заключается дело?

— Дело заключается в том… — Афанасий Игнатьевич замялся, будто ему предстояло поведать нечто такое, что человеку несведущему показалось бы очевидной глупостью. — Право, не знал, что так трудно будет начать, — Калачёв отпил воды из стакана и продолжил: — На прошлой неделе ко мне пожаловал некий господин. Я редко кого принимаю и его впускать не велел. Гость, по словам помощника, настоятельно требовал личного разговора: тет-а-тет, что называется. Мне пришлось его выслушать, иначе он и уходить не собирался. Так прямо и заявил, мол, жить под дверью буду, пока не примут. Лучше бы я его тогда в шею выгнал! Ну да что теперь об этом…

Представился он как некто Горохов. Мне точно не известно, была ли это его настоящая фамилия или так он себя назвал на время визита. Вид у него был потрёпанный и усталый. По всему следовало, что он проделал ко мне неблизкий путь. Он из таких, знаете ли, тридцатилетних студентов — в пыльных очках, серых шинелях да с вольными мыслями в голове: таких нынче в России пруд пруди, вы и сами, впрочем, знаете.

— Знаю-с, очень знаю-с. Молодёжь теперь не та, это вы точно подметили. Вот у моего сослуживца…

— Позвольте, я перебью вас, Модест Николаевич, а то я чего-нибудь ненароком позабуду, — недовольно произнёс Калачёв.

— Конечно, конечно, я вам после расскажу. Презабавная история, знаете ли, форменный анекдот, — улыбнулся Анисимов, но, взглянув на сосредоточенного Афанасия Игнатьевича, подавил улыбку и навострил уши.

— Так вот этот Горохов с порога и заявляет мне — вернее сказать, спрашивает сперва отставного полковника Игнатия Петровича Калачёва. Увидев же, что батюшка мой почти глух и к серьёзным разговорам не способен, он обратился ко мне, как к единственному сыну и распорядителю в доме, и заявляет, дескать, батюшка мой является владельцем некоего имения в Тверской губернии, и он прибыл сюда, дабы сообщить последнюю волю — завещание, стало быть, помещицы Куркиной, прежней, а ныне покойной владелицы имения, преставившейся по причине отравления грибами. Я, грешным делом, подумал, что это шутка чья-то глупая или же сам гость не в себе. Признаюсь, что Куркиной этой я в глаза не видел и даже на слуху у меня такого имени нет. Думаю, с Гороховым-то этим беда. Умалишённый, видать. Ну, я, не тревожа его, предлагаю чаю или ещё чего-нибудь, чтобы, так сказать, успокоить беднягу.

— Совершенно правильно поступили-с. Совершенно…

— Что? — переспросил Калачёв.

— Ничего.

— Вы что-то сказали?

— Ровным счётом ничего важного, — Анисимов продолжал кротко смотреть на Калачёва, забыв про своё замечание.

— Н-да, — задумался Калачёв, — о чём я говорил?

— Вы предложили своему гостю…

— Ах да! Вспомнил. Так, значит, Горохов этот в ответ на моё предложение от всего отказался и попросил лишь водочки для согрева. Странный всё же тип — водки летом для согрева! Как вам это нравится?!

— Мне это ничуть не нравится, — насторожился Анисимов. — Я вот, например, кофий люблю и к чаю…

— Что?!

— Ничего, ничего, Афанасий Игнатьевич, продолжайте.

— Дальше, что же дальше? — растерялся Калачёв. — А дальше было вот что. Видя моё недоверие, он протянул мне запечатанный конверт. Я немедленно его вскрыл — а там и впрямь духовное завещание, писанное от руки и засвидетельствованное уездным нотариусом. Пока я разбирал мелкий почерк, он пояснил, что покойная Елизавета Семёновна успела составить сей документ уже на смертном одре, покуда её тщетно пытались спасти уездные лекари, и волею её единственным наследником имения назначен именно мой батюшка, Игнатий Петрович.

— То есть как? — удивился Анисимов. — Разве такое возможно? Странно! Мне вот так никто завещания не оставлял.

— Я же вам говорил, что дело в высшей степени необычное.

— Да уж. Это мне напоминает дело дворника Панфилова…

— Зачем вы меня всё время перебиваете? — возмутился Калачёв.

— Извините, Афанасий Игнатьевич, не хотел вас обидеть. Просто то дело Панфилова очень похоже начиналось…

— О чём я? — задумался Калачёв. — Вы меня всякий раз перебиваете, я теперь всё позабыл.

— Вы про Куркину говорили, — осторожно напомнил Анисимов.

— А! — воскликнул Калачёв. — Ну, я, стало быть, прочёл завещание. Оно, кстати сказать, было составлено вполне грамотно, то есть с соблюдением всех мельчайших деталей, и там действительно чёрным по белому значилось имя моего батюшки. Горохов же тем временем выпил водки и продолжал стоять как вкопанный. Я чувствовал, что он мне что-то недоговаривает. Мне, знаете ли, по роду занятий с разным людом довелось в торговле соприкасаться, и опыт у меня кое-какой в таких делах имеется. Так и вышло, я не ошибся, — Калачёв усмехнулся, довольный собственной проницательностью, и продолжил: — Он помялся, попросил разрешения присесть и снова намекнул насчёт водочки. Я распорядился, и, выпив вторую рюмку, гость разомлел и наконец разговорился.

«Я, говорит, вас только предостеречь хочу: вы уж сами туда — в имение, значит, — без батюшки не торопитесь. Дело это тонкое, семейное, да и в уезде нынче неспокойно, могут и не так принять. Коли батюшка ваш со временем соберётся — милости просим, а вам одному суетиться ни к чему, только здоровье своё понапрасну надорвёте». «Что за чехарда!» — думаю. Я потребовал с него объяснений, и вот что выходит, — Калачёв принял чрезвычайно таинственный вид, собираясь выложить самые невероятные подробности во всём деле. Он невольно наклонился к Анисимову, а тот повернулся к нему правым ухом, которое почудилось Калачёву даже большим, чем левое. «Тьфу! Чёрт!» — подумал Афанасий Игнатьевич и продолжил тихим голосом:

— Сразу после похорон Куркиной в именье начались неописуемые и в некотором смысле мистические события, значения которым поначалу никто и не придавал. Сначала пропал некто Голованов, распутник, исполнявший должность приказчика Куркиной. За ним, со слов студента, такие выходки уже водились. Случалось, что Голованова не бывало дома до трёх дней кряду, но потом дружки привозили его вдрызг пьяного, и всё вставало на свои места. Вот и теперь все ждали его скорейшего появления. Однако в этот раз он не явился даже на девять дней покойной. Поступок этот, как горячо уверял меня Горохов, прямо отвратительный, потому как приказчик был обязан Куркиной безгранично, и не вернуться домой в такой день было уже полнейшим, можно сказать, свинством, и всё же он так и не объявился. Оттого, мол, по округе и поползли слухи, будто Голованов причастен к отравлению барыни — в том смысле, что грибы грибами, да только как их преподнести, да в какой момент ими угостить. Понимаете? — последние слова сопровождались хитрым прищуром рассказчика.

— Не очень, — ответил Анисимов, вызвав удивление у Калачёва.

— Ну как же так? — с досадой произнёс Афанасий Игнатьевич, видимо, ожидая иного ответа. — Ну, к примеру, был у моего знакомого, хозяина пекарни, один рабочий. Здоровенный детина, Прохоров. Поехал он прошлым летом к больной мамаше в деревню и напился с мужиками до самого свинского состояния. Чуть живые они в лес веники для бани пошли рубить, да ещё с собой бутыль прихватили. Он пуще всех разошёлся и сдуру возьми да ляпни, мол, стакан с ходу выпью да одной только сыроежкой и закушу. Ну и съел, дурень, какую-то гадость, что под руку попалась. Вот вам и грибы; то есть грибы в ресторации — вкуснейшее блюдо, а в иной обстановке и вовсе первейший яд. Теперь понимаете?

— Кажется, понимаю, — Анисимов внимательно посмотрел на Калачёва, пытаясь что-то разглядеть в его лице. — Очень, очень понимаю-с.

— Так вот, значит, поползли слухи, будто Голованов мог каким-то манером участвовать в смерти хозяйки. Между ними вроде глубокие разногласия по денежной части имелись, а в последнее время частенько разыгрывались шумные ссоры из-за пьянства приказчика. Хотя,

как бы то ни было, бедолагу продолжали искать повсеместно, но всё впустую. Нанесли визит его дружкам, а те и знать не знают, где он и что с ним. Один, правда, вспомнил, что в последний раз, когда он его видел, Голованов разругался за карточным столом с каким-то здоровенным капитаном со старым рубцом через бровь, хотя позднее они заключили мировую и утопили свою вражду в нескольких бутылках шампанского. Теперь самое интересное и начинается: днём позже поминок, на десятый, стало быть, день, мужики выловили Голованова из реки уже, так сказать, бездыханным. Горохов об утопшем распространяться не стал, но по его виду я догадался, что приказчик попасть туда по своей воле не мог, — Калачёв взял паузу и через мгновение продолжил повествование с прежней таинственностью: — По окрестностям тогда же пошли толки, что и Елизавета Семёновна Куркина преставилась без особого своего согласия.

— Да-а, — протянул заинтригованный рассказом Калачёва Анисимов, — действительно мистика.

— Теперь вы понимаете, почему я к вам обратился?

— Да, в полиции вас, пожалуй, слушать не стали бы. Они и меня тогда…

— Каково ваше решение? — перебил Анисимова Калачёв.

— Я, правда сказать, не знаю. Мне, собственно говоря, не совсем ясна моя задача.

— Ваша задача в том, чтобы вывести всю эту шайку на чистую воду и помочь мне с завещанием.

— Какую шайку?

— Куркину и приказчика её.

— Так ведь вы сказали, что они мертвы оба. Как же я могу их вывести на чистую воду?

— Да в том-то и дьявольщина, Модест Николаевич! — понизил голос Калачёв. — Горохов этот проговорился, что утопшего приказчика мужики после похорон не раз уже видели: бродит, окаянный, по ночам вдоль волжского берега в своём пальто да картузе, народ пугает! Уж не морочат ли они нам голову со своими покойниками?

— Приказчик-утопленник по берегу гуляет?! — Анисимов даже привстал в кресле, поправляя исцарапанные очки. — Вот это уже по моей части-с! Помилуйте, Афанасий Игнатьевич, тут, пожалуй, поп нужен, а никак не сыщик…

— Ну вот и прекрасно, — словно не слыша отказа, подхватил Калачёв. — Вы поможете мне раскрыть тайну этого завещания, а с Куркиной и её приказчиком-призраком мы разберёмся попутно.

Закончив свой рассказ, Афанасий Игнатьевич перевёл дух и выжидающе посмотрел на Неглинского. Арсений Андреевич некоторое время осмысливал услышанное, показавшееся ему совершенно невероятным. Он даже растерялся, однако, взглянув на друга, понял, что вряд ли эта история придумана им наспех. Помолчав с минуту, доктор не стал торопиться с выводами, а про себя отметил спросить у Александра о визите загадочного Горохова и Анисимова; впрочем, о сыщике он решил осведомиться у самого Павла Михайловича, который дал рекомендацию и с которым доктор был коротко знаком.

Калачёв тем временем молчал, вероятно, ожидая вопросов от доктора. Завещание лежало на самом краю стола. Неглинский развернул плотный лист и внимательно пробежал глазами аккуратные, писанные по всем правилам строки:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Лета тысяча восемьсот шестьдесят четвёртого, июня десятого дня, я, нижеподписавшаяся, потомственная дворянка Елизавета Семёновна Куркина, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, сим домашним духовным завещанием определяю:

Благоприобретённое моё имение, состоящее Тверской губернии, близ Волги, со всеми строениями, землёю и движимым имуществом, завещаю в полную собственность отставному

штаб-офицеру Игнатию Петровичу Калачёву — в воздаяние за давний долг совести, о коем ему одному ведомо.

Со слов завещательницы сие духовное завещание писал бывший студент Императорского Московского университета Николай Петрович Горохов.

К сему духовному завещанию потомственная дворянка Елизавета Семёновна Куркина руку приложила.

На обороте: Представлено к явке и в книгу актов записано Тверской губернии уездным нотариусом Н. Н. Козловым, июня пятнадцатого дня 1864 года».

Дочитав до нотариальной печати, доктор с недоумением взглянул на друга.

— Ну, Арсений Андреевич, — Калачёв с надеждой посмотрел на собеседника, — готовы ли вы поехать со мной в это имение?

— Готов ли… но… у меня пациенты и…

— Скажите только да или нет, — умоляюще произнёс Калачёв.

— Да, — нетвёрдо ответил Неглинский, рассчитывая через несколько дней проверить всё услышанное и переубедить Афанасия Игнатьевича, который теперь был готов решительно на всё, даже ввязаться в такую немыслимую аферу.

— Спасибо, Арсений Андреевич, я всегда верил в вас, — Калачёв положил руку на руку Неглинского и ещё раз горячо поблагодарил друга. — Друг мой, мы отправляемся через пару дней в субботу. Прошу вас, будьте готовы.

Арсений Андреевич откланялся и вышел из кабинета в гостиную, где дал несколько советов встревоженной Ольге Петровне, и, обескураженный таким оборотом событий, покинул дом Калачёвых.

Глава 3. Дорога в Тверь

Арсений Андреевич Неглинский стоял на перроне, размеренно покуривая папиросу. Он пребывал в прекрасном настроении и по привычке разглядывал людей. Ему довольно легко удалось уладить все вопросы с пациентами, и сейчас он не испытывал ничего, кроме сладостного, давно забытого чувства свободы.

Ежедневная суета казалась чем-то очень далёким, и единственное, что о ней напоминало, так это лишь шум кишащего людьми вокзала. Доктор даже радовался предстоящему путешествию в деревню, где он уже так давно не был. Поездку эту он решил превратить для себя в небольшой отдых, а с завещанием полагал выяснить все детали уже сразу по приезде в имение. Арсений Андреевич даже предположить не мог, во что выльется их затея, и надеялся, что привезённое Калачёву завещание — чья-то большая ошибка.

Афанасий Игнатьевич тем временем находился уже в отделении вагона с Александром и был полон надежд на предстоящее «богатство». Он, правда сказать, был крайне раздражён одною лишь помехой в этом путешествии, и обстоятельством этим был частный сыщик, который уже в самом начале дела ставил его под угрозу.

— До отправления уже минут пятнадцать осталось, а его всё нет. Бес меня попутал связаться с этим сыщиком, — негодовал Калачёв.

Александр успокаивал Афанасия Игнатьевича как мог. Утешения не возымели на него должного воздействия, и юноша запаниковал сам, надеясь только на рассудительного и спокойного Неглинского.

Калачёв возмущался не зря. Модест Николаевич, будучи человеком в высшей степени рассеянным и несобранным, проспал все положенные сроки, несмотря на то что хозяйка квартиры разбудила его в назначенный час. Однако, позабыв обо всём, сыщик, по обыкновению, позволил себе лишнюю минутку сладкого утреннего сна, который порой бывает особенно упоителен. Он очнулся через полчаса после прихода хозяйки и, обнаружив своё катастрофическое положение, немедленно бросился собираться. Потратив на это ещё несколько драгоценных минут, он совершенно запутался в своих вещах и целях. Собравшись, наконец, он выскочил из передней, едва не сбив с ног милую и глуховатую старушку.

— Куда же это вы, Модест Николаевич, собрались? — осведомилась хозяйка, заметив в его руках саквояж. — Уж не сбегаете ли вы? А?

— Да что вы такое, Марфа Матвеевна, говорите? Как же это я могу сбежать! Как вам только в голову могло такое прийти, право, не понимаю-с! — оправдывался задолжавший жилец.

— За вами ведь должок, уважаемый, вот я ненароком и… уж вы не гневайтесь.

— Должок! О чём вы говорите? — вскликнул Модест Николаевич, картинно взмахнув руками.

— Должок за квартиру, батенька, али позабыли? — упрямо твердила старушка. — Вы если платить не будете, то я сейчас же дворника позову.

— Марфа Матвеевна, я вам всё сполна уплачу, вот только вернусь и рассчитаюсь с вами до последней копейки, — смягчился Модест Николаевич, чувствуя серьёзность намерений хитрой старушки. — Если бы вы, Марфа Матвеевна, знали, куда я сейчас направляюсь, то вы так бы не говорили. Вы, может быть, даже попрощались бы со мной, да, может, и навеки. Я, знаете ли, в страшное дело вступил, в очень страшное.

— Бог с тобой, Модест Николаевич, что же вы такое говорите? Кто же мне тогда деньги отдаст? Вы же мне, милок, аж за три месяца задолжал, а у меня, сами знаете, теперь положение какое.

Поняв, что разжалобить старушку не удастся, Модест Николаевич от отчаяния сболтнул лишнее о залоге — и в ту же минуту лишился своих карманных часов. Марфа Матвеевна немного повеселела и благословила жильца, взяв с него обещание быть осторожным и беречь себя.

Через минуту Модест Николаевич уже мчался на своё «страшное дело», ругая хозяйку на чём свет стоит. Неподалёку от дома он сумел поймать извозчика и всю дорогу до Николаевского вокзала жаловался ему на алчную старуху. На вокзал сыщик прикатил за десять минут до отправления поезда в крайнем раздражении.

Анисимов ворвался на привокзальную площадь, терзаемый горестными мыслями о своём опоздании, провале всего предприятия и упущенном гонораре. Он остановился средь толпы и, вытянувшись, стал осматриваться. Первое, что послышалось его уху, была кем-то брошенная фраза, что поезд на Тверь убывает с минуты на минуту.

Модест Николаевич, проклиная всё на свете, побежал на перрон, перестав замечать перед собой что бы то ни было и, пожалуй, уж и не владея собой вовсе. Совершенно отчаявшись, он выскочил на платформу, где народ суетливо усаживался в вагоны. Немного успокоившись, завидев поезд, он отдышался и припустил вдоль составов. Сыщик с героическим упорством мчался к своему вагону, грациозно лавируя между чемоданами, саквояжами, тюками, корзинами и ещё Бог весть какой поклажей, гонимый одной мыслью — не опоздать. Он, пожалуй что, и добежал бы до Калачёва вовремя и без неприятностей, не попадись ему на пути толстенный чемодан, миновать который не было уже ни единой возможности. Модест Николаевич решил через него перепрыгнуть. Бог весть, отчего он не попытался остановиться или предпринять иной трюк, только прыжок у него совсем не вышел. Вернее сказать, прыжок всё же состоялся, но отнюдь не таким, какой, вероятно, рисовался в воображении самого Анисимова.

Модест Николаевич вспорхнул, как раненая птица, и зацепился левой ногой за злополучную поклажу. Чемодан, лишившись ручки, свалился на бок.

— Ты что же чемоданы калечишь! — крикнул владелец вслед бегущему, но окликать Модеста Николаевича сейчас было занятием пустым.

Он уж ничего не слышал, потому как едва держался на ногах. Однако, собрав все свои силы, Анисимов устоял и продолжил движение, необдуманно размахивая саквояжем и совершая гигантские шаги. Озабоченность проступила на его лице в виде ужасающих гримас и сопровождалась бранью в адрес невинного чемодана. Физиономия его уже через мгновение снова изменилась, причём в сторону много худшую, чем прежде.

Толпа пассажиров, увидев его, сметающего всё на своём пути и совершающего при этом множество неповторимых, более того, нелепых телодвижений ногами и руками, расступалась пред ним в страхе. Неожиданно появившийся на пути Анисимова Неглинский, доселе спокойно куривший папиросу, отчасти обрадовал его.

Бедолага даже приготовился ухватиться за доктора свободной, хотя и не совсем подвластной ему рукой. Арсений Андреевич, к несчастью Анисимова, оказался человеком в меру проворным и отскочил в сторону в самый критический для сыщика момент.

Теперь на пути Модеста Николаевича не было преград, не считая толстенной старухи, сидящей на огромном тюке и придерживающей возле себя корзину с дородным гусем. Она с нескрываемым наслаждением грызла варёную кукурузу, закатывая глаза каждый раз, когда ей приходилось открывать рот. Идиллия её и дремавшего гуся была вмиг растоптана налетевшим на них сыщиком. Старуха успела только охнуть, когда он на неё навалился, невнятно, хотя довольно искренне и громко извиняясь. После кратковременного и неповторимого переплетения ног, рук и крыльев все трое разлетелись в разные стороны, как бильярдные шары. Бабка, чуть не проглотив початок, кубарем покатилась к носильщикам. Гусь, застрявший в корзине и менее всех готовый к такой кульминации, покатился прочь от бабки самым трагическим образом: всякий раз ударяясь головой о перрон, когда корзина делала оборот вокруг собственной

оси. Сам же Модест Николаевич закончил свой кульбит уткнувшись в тюк с периной. Мужики-носильщики, стоявшие неподалёку, заржали, как целый табун жеребцов.

— Ну ты, бабка, ахкробат! — звонко смеялся один.

— Хуже, Миха, — подхватил другой, — она эхквилибрист, гляди, как кувыркается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.